

О НАРОДНОМ БЫТОВАНИИ ПЕСНИ «КАТЮША» И ПРОБЛЕМЕ ВАРИАТИВНОСТИ ФОЛЬКЛОРНОГО СОЗНАНИЯ

МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ СТРОГАНОВ

(Государственный республиканский центр русского фольклора:
119034, Российская Федерация, г. Москва, Турчанинов пер., д. 6)

***Аннотация.** Песня «Катюша» и ее бытование в народной среде признаны новым типом фольклоризации авторского текста. «Катюша» Исаковского и переделки являются вариантами одной фольклорной песни, причем авторская «Катюша» не является инвариантом. Снижающие переделки в детской среде выполняют образовательную функцию. Но большинство переделок «Катюши» продолжают пафос оригинала.*

Иногда исполнитель поет цикл переделок. Цикл из двух вариантов: финская (1), Великая Отечественная война (2). Народ подчеркивает повторяемость и вариативность событий; меняются названия войн, но неизменные боец и Катюша воплощают миф о защитнике Родины и верно ждущей его девушке. Герои статичны, но парное исполнение формирует сюжет. В цикле из четырех вариантов порядок исполнения выявляет сюжет, построенный на перемене статуса героини: Катюша провожает любимого (1), партизанка (2), сообщает об этом «залеточке» (3), медсестра, спасает всех защитников Родины (4).

Музыкальные циклы вариации на тему и литературный цикл Пастернака «Тема с вариациями» построены как бессюжетное собрание стилистически разных решений темы: первое стихотворение представляет тему, остальные стилистически варьируют ее, как музыкальные инструменты в джазовой композиции. В фольклорных циклах нет «инструментальных» джазовых вариаций ситуации или статуса, поскольку игра стилями несвойственна фольклорному сознанию. Стилистически переделки повторяют «Катюшу» Исаковского.

Причины популярности «Катюши» как источника переделок заключены в ее тексте. Исаковский признавался, что не смог создать сюжет песни. Но непроясненность действий Катюши была продуктивна для ее судьбы. Народ создал вариации на тему, что произошло с Катюшей, когда она вышла на берег. Исаковский возражал против признания вариаций новым типом фольклоризации, поскольку не мог отказаться от авторства «Катюши». Но народ не воспринимал «Катюшу» как песню авторскую и доказывал свои права на нее многочисленными переделками.

***Ключевые слова:** «Катюша», М. Исаковский, переделка, вариант, фольклоризация.*

Песня М. Исаковского и М. Блантера «Катюша» (1938) была исключительно популярна в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные десятилетия. Поэтому история этой песни и история ее бытования в народной среде не были обойдены вниманием исследователей, публиковались и тексты фольклорных песен-переделок. Но историю этой песни в народном сознании нельзя считать по-настоящему

изученной. И. Н. Розанов совершенно справедливо рассмотрел переделки «Катюши» как новый тип фольклоризации авторского текста [Розанов 1964, 310–325]. Мы только бы продолжили и уточнили его мысль следующим образом: авторская «Катюша» со всеми переделками является единой фольклорной песней, а каждая конкретная реализация ее является вариантом по отношению к инварианту, несводимому

к авторской «Катюше». Однако в дальнейшем исследование этой песни не только не продвинулось вперед, но даже сдало былые позиции. Авторы лишь констатируют апофеоз народного воодушевления и не дают критического анализа оригинального и народных текстов «Катюши» и фольклорного сознания как такового. Например: «Если собрать все песни о “Катюше”, созданные за время Великой Отечественной войны, то получится обширная поэтическая энциклопедия, где найдут образное, художественное отражение и труд женщин в тылу, их чувства и переживания, думы и надежды, и их участие в партизанском движении и боевых действиях на фронте, и горькая судьба тех, кто оказался на оккупированной земле или был угнан в фашистскую неволю. Причем важно то, что главное в этой поэтической энциклопедии — показ войны “изнутри”, через сокровенные переживания, доверяемые чаще всего письму, адресованному близкому человеку» [Литература 2009, 221] (ср.: [Журавлев 1994]). Кроме того, состояние источниковой базы на данный момент таково, что адекватно восстановить историю бытования «Катюши» уже невозможно. Полевая фольклористика второй половины XX в. не собирала тексты массовых песен, считая их общеизвестными и неинтересными. Однако это ошибочное мнение. Например, одна из известных нам полевых записей авторской «Катюши» буквально во всем соответствует эстраднему тексту и отличается от него только тем, что в третьем куплете исполнительница пела так: «Пусть он вспомнит девицу простую» (Зап. от М.К. Астаховой, 1939 г. р., д. Выползово, Бологовский р-н, 2003 г.)¹. Девица вместо *девушки* — замена, казалось бы, незначительная, но очень важная для народного сознания; в тексте это единственная идентификация социального статуса героини. Уже этот пример наглядно показывает эвристические потенциалы подобного материала, но он, повторим, не был своевременно собран и теперь практически пропал. В мемориальном музее М.В. Исаковского (пос. Выходы Угранского р-на Смоленской обл., первоначально, с 1985 г., музей песни «Катюша») собрано, как с гордостью говорится на рекламных сайтах, сто вариантов

«Катюши». Но сто вариантов, собранных по всей стране, — это на самом деле очень мало. Количественно имеющийся материал не вполне удовлетворяет современного исследователя. Мы можем бесконечное число раз повторять себе и другим, что песня «Катюша» была популярна, но документальных подтверждений этого привести не можем. Это же относится и к другим массовым песням: «Ой, цветет калина», «Сердце, тебе не хочется покоя». То, что не было записано в 1950–1990-е гг., уже невосстановимо, поскольку носители этого репертуара умерли и их сменили другие поколения с другими вкусовыми пристрастиями. Учитывая всё это, нельзя не признать, что наше обращение к известному на первый взгляд материалу вполне оправданно.

Мы берем доступный нам материал полевых исследований Тверской области 1970–2000-х гг., но исходим из того, что материал других регионов может дать аналогичную картину. Тверской фольклорный материал представлен нами не в своей специфике, а как типовой общероссийский. При этом мы оставляем за пределами нашего внимания тексты, в которых слово *катюша* является не личным женским именем, а «домашним» названием бесствольного полевого реактивного артиллерийского орудия. Интересный сам по себе перенос значения, совершившийся в очень короткое время и очень эффектно, мог бы стать предметом самостоятельной работы: имя девушки осмыслялось как имя орудия, использование которого решительно повысило боеспособность Советской армии. Следует заметить, что любовное отношение солдата к своему оружию (и орудию) вполне вписывается в традиционное поведение; ср., например: «Наши жёны — пушки заряжены» в песне «Солдагушки, бравы ребята...». Но мы не анализируем этот материал и только публикуем его в приложении (1–3), сосредоточившись на песнях, которые находятся в более близких отношениях к оригинальному сюжету Исаковского.

В центре нашего внимания находятся два явления: во-первых, переделка как таковая, а во-вторых, сосуществование нескольких переделок (двух или нескольких вариантов) в сознании одного человека.

¹ Все цитируемые в статье и публикуемые в приложении тексты записаны в Тверской обл. и находятся в фольклорном фонде Научно-исследовательского центра тверского краеведения и этнографии Тверского государственного университета.

Обычно народ переделывает тексты, которые насаждаются государством через официальные каналы связи с целью их снижения; таковы, например, пародии на первый куплет Гимна Советского Союза [Строганов 2007, 30]. И такие пародические переделки «Катюши» были широко распространены в 1960–1970-е гг.; нам известны две песни-переделки «Катюши» (приложения 4, 5), в названии которых отражено лишь стремление исполнителя указать на связь с оригиналом. С этими «Катюшами» всё более-менее ясно: детям в известном возрасте вообще свойственно высмеивать все сакральные объекты и темы; для детей, как горестно сетуют их родители, нет ничего святого. И это магистральный путь развития человеческого самосознания, на котором детские переделки выполняют важнейшую образовательную функцию. (Впрочем, народно-смеховая культура в принципе предполагает пародийную переделку всех сакральных и высоких тем.) Но зачем возникают переделки, которые не снижают оригинал, а продолжают его пафосную линию? А именно такие переделки оригинальной «Катюши» на самом деле и составляют содержательный центр анализируемых полевых записей. При этом сюжетов таких переделок вовсе не так много, как казалось при голословном утверждении о популярности «Катюши» в народной среде.

Первый подступ к ответу на этот вопрос мы находим в переделке «Катюши», где героиня сталкивается с «немцем», который делает ей любовное предложение, но она отвергает его, заявляя, что у нее есть любимый, воюющий с врагом, и «немец» наставляет на Катюшу наган:

Расцветали яблони и груши,
 Поплыли туманы над рекой.
 Выходила на берег Катюша,
 Подходил к ней немец молодой.
 «Подарю тебе я, Катя, бусы,
 Подарю и перстень золотой,
 Увезу тебя я, дорогая,
 Увезу в Германию с собой».
 Но Катюша немцу отвечала:
 «Не поеду я с тобой туда.
 У меня есть парень чернобровый,
 Про него узнала вся страна».
 Всё понятно немцу сразу стало,
 Что Катюшин парень — партизан.

Закурил тут немец папиросу
 И наставил на нее наган
 (Зап. от А. А. Ярославцевой, 1898 г. р.,
 и А. М. Ярославцевой, 1913 г. р., д. Фарафоновка, Кашинский р-н, 1974 г.)².

Совершенно очевидно, что данная переделка нужна была для того, чтобы представить оптимальную модель поведения женщин оккупированных территорий в ответ на частые во время войны сексуальные домогательства оккупантов. Оптимальная и пропагандируемая модель поведения — лучше погибнуть, чем отдаться врагу. Однако официальная поэзия военного времени старалась избегать подобных сюжетов, а явление существовало и волновало как воюющих солдат, так и оставшихся в зоне оккупации жен и невест. Народное сознание восполняет этот пробел. При этом апелляция именно к «Катюше» была обусловлена важным парадоксом ее статуса: хотя песня была авторской и транслировалась по официальным (государственным) каналам связи, но она была всенародно признана, и этот авторитет ставил ее за пределами официоза. В отличие от детских переделок, имеющих пародийный характер, Катюша во взрослой переделке поступает именно так, как она и обещала в оригинале («любовь Катюша сбережет»). Переделка не противоречит пафосу оригинала, а подтверждает и усиливает его, поскольку вводит дополнительную аргументацию поведения героини.

Гораздо более сложными являются отношения песни-оригинала и песен-переделок у тех исполнителей, в репертуаре которых мы находим не одну, а две и более двух переделок оригинала. Развивая приведенное выше уподобление двух рядов: авторский текст и переделка — варианты, а некий условный (не реальный) пратекст — инвариант, можно сказать, что бытование нескольких вариантов в одном сознании парадоксально. В таком случае следует согласиться с тем, что один человек может быть носителем двух языковых норм и вполне осознанно говорить то на одном диалекте, то на другом. Наш случай отличается от диглоссии, при которой сосуществующие языки социально иерархичны, как церковно-славянский и русский в допетровской Руси, и его можно было

бы уподобить владению человеком двумя диалектами, например, окающим и акающим говорами одновременно. Между тем факты такого рода известны: один и тот же народный исполнитель владеет как минимум двумя вариантами одного текста. Этот материал практически не изучен, хотя отдельные факты давно уже введены в научный оборот; например, мужская и женская переделки песни «Моя любимая» (сл. Е. Долматовского, муз. М. Блантера) [В памяти народной 2010, 138–140]. К анализу этого явления мы сейчас обратимся.

Первые два варианта «Катюши» записаны от одной исполнительницы — Надежды Николаевны Штубовой (1924 г. р., г. Нелидово, 2000 г.), [впервые опубликованы: Жестокие романсы 2006, 69–71]³. И первый из этих вариантов связан с самым ранним этапом истории песни «Катюша». Написанная в 1938 г., она вызывала первоначально ассоциации с советско-японским конфликтом у озера Хасан, потом оказалась связанной с финской войной, поэтому в первом куплете говорится, что Катюша «снова вышла на берег»:

Снег засыпал яблони и груши,
Запустил деревню над рекой.
Снова вышла на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.
Вышла Катя, как и раньше было,
Заводила песню, как могла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.
Про того, кого она неволью
Полюбила, словно жизнь свою,
Про того, кто нынче под Кексгольмом
Прославляет родину свою.
Финских елей горные вершины,
Дым, огонь и орудийный гром.
Он, водитель боевой машины,
Сквозь леса несется напролом.
Не страшны врагов ему снаряды,
Не пугают снайперы его.
Он в рядах своей родной бригады
Не боится в мире ничего.
Через всю Финляндию он лавой
Пролетит дорогой огневой,
Принесет стране родимой славу
На своей машине боевой.
Алый флаг над родиной взвевается.
Из лесов Финляндии домой

Скоро он с победою вернется,
Славной Красной армии герой.
Расцветут все яблони и груши,
Поплывут туманы над рекой.
Выйдет встретить милого Катюша
На высокий на берег крутой.

Второй вариант «Катюши», записанный от Н. Н. Штубовой, связан уже с событиями Великой Отечественной войны, на что прямо указывает упоминание <Западной> Двины и именование врагов *фашистами*. Следует заметить, что народное сознание настойчиво подчеркивает повторяемость событий и вариационный характер каждой очередной переделки по отношению к исходному авторскому тексту: «снова вышла на берег Катюша» (предыдущая переделка) «и поет боец на поле боя про Катюшу *новые слова*»:

Расцветало утро голубое,
Над окопом шелестит трава,
И поет боец на поле боя
Про Катюшу новые слова.
«Посмотри, Катюша дорогая,
Как по гадам бьет мой пулемет.
Я страну свою оберегаю,
И фашист костей не соберет.
Ты меня орлом звала недаром,
Ты писала письма мне не зря.
Без пощады, сталинским ударом
Бьет врага дивизия моя.
Рвутся мины с грохотом и свистом,
Над рекой идет горячий бой.
Не ходите на берег, фашисты,
На советский на берег крутой.
Не ходите, шкуры берегите,
А пойдете — шкуры затрещат.
Вы на штык мой сразу угодите,
Это я Катюше обещал.
Своего я слова не нарушил
И готов на славные дела,
Чтоб гордилась мной моя Катюша,
Чтоб страна героем назвала.
Над полями утро расцветает,
У Двины идет горячий бой.
Не скучай, Катюша дорогая,
Мы придем с победою домой».

Для народного сознания в двух вариантах действуют один и тот же боец и одна и та же Катюша, это одна и та же пара,

³ Этой исполнительнице вообще свойственно сохранение таких вариационных цепочек; см. два записанных от нее варианта песни «Синенький скромный платочек» [Там же, 72, 73].

вокруг которых организуется миф защитника Родины и верно ждущей его девушки. И здесь принципиально важно напомнить один эпизод из истории создания песни. Исаковский, как известно, написал сначала только первые две строфы и не знал, что ему делать дальше с героиней. Он так, собственноручно говоря, и не решил для себя этот вопрос. Некоторый текст он, разумеется, написал, но в этом тексте Катюша только «выходила... на берег крутой» и только «песню заводила»: этим дело и ограничивалось. Песня Катюши летела «за ясным солнцем вслед», но выяснение конкретного направления ее полета: по солнцу или против него, к западным или к восточным границам СССР — не проясняет ее смысла. Главное в этой песне то, что она должна была передать бойцу привет и, убедив его в верности героини, придать ему уверенности и спокойствия. Катюша постояла на берегу и ушла. Сюжета в песне не было.

Те переделки, которые мы сейчас проанализировали, также бессюжетны. Во время финской войны Катюша вновь вышла и спела, «как могла», а любимый боец в это время отчаянно воевал, защищая Родину и ее. Во время Великой Отечественной Катюша снова вышла-спела, а он снова воевал. Герои всякий раз даны в статике, без всякого движения. В песнях варьируется не стиль, не сюжетные положения, а только названия войн. Песни эти и должны были бытовать «в парном исполнении», потому что только таким образом, а скорее всего, «в тройственном союзе» с оригинальной авторской песней и формировался необходимый для них сюжет. Катюша в оригинальной песне Исаковского шлет привет бойцу на берега озера Хасан, а в переделках — сначала в Финляндию, а потом на берега Западной Двины.

Своеобразную компенсацию этого отсутствующего движения дает одна снижающая переделка, состоящая из одного (первого) куплета, в котором даны и повторяющаяся ситуация, и — в вариативной части, последней строке, — развитие действия:

Расцветали яблони и груши,
 Поплыли туманы над рекой.
 Выходила на берег Катюша
 И гоняла фрицев кошкой
 (Самозапись М. В. Строганова,
 1953 г. р., Тверь, 2015 г.).

Комическое снижение обеспечивается в этом тексте тем, что Катюше для того, чтобы справиться с «фрицами», достаточно одного предмета кухонной утвари. Общий пафос как будто сохраняется, но серьезное переживание событий уже отсутствует.

Обратимся теперь к самому большому циклу песен-переделок (правда, без общего названия «Катюша»), который был записан от Раисы Федоровны Малышевой (1943 г. р., с. Городня, Конаковский р-н, 2001 г.). Все составляющие этот цикл варианты-переделки уже известны в печати. Первый и второй варианты напечатаны в популярном сборнике [Душевные песни 2006]. Два других варианта опубликованы в профессиональном научном издании [Русский советский фольклор 1967, № 133, 125], при этом указано, что третья переделка представлена в записи 1945, а четвертая — в записи 1943 г. (последняя опубликована, впрочем, еще раньше: [Крупянская 1953, 111]). Как видим, наша запись этих песен довольно поздняя, но именно это удостоверяет нас в современном бытовании песни. Однако главный интерес данной записи состоит в ином. Все предыдущие записи были сделаны от разных исполнителей и по отдельности, как самостоятельные песни. Р. Ф. Малышева спела их так, что они, сохраняя свою самостоятельность, воспринимаются как единый цикл. Именно поэтому есть смысл привести данные песни целиком (отличия наших записей от уже опубликованных, вполне естественные для фольклорного бытования, мы не оговариваем):

1

Расцветали яблони и груши,
 Проплыли туманы над рекой.
 Провожала милого Катюша
 На борьбу с фашистской ордой.
 На прощанье счастья пожелала
 И наказ ему давала свой.
 «Бей врага, — Катюша наказала. —
 Бей врага и будь в бою герой!»
 Обещала милому Катюша:
 «Фронту честно будем помогать,
 Будем делать больше мин и пушек,
 Чтоб скорей победу одержать».
 Про любовь она не говорила
 На прощанье другу своему.
 «Ты пиши, — она его просила, —
 Будет легче сердцу моему».

Он ответил: «Милая Катюша,
 Буду метко бить я по врагам,
 Наши нивы, яблони и груши
 На позор фашистам не отдам.
 Не сучай, любимая подруга,
 Жди меня с победою домой,
 Я клянусь, что за Полярным кругом
 Буду я сражаться, как герой».
 Расцвели те яблони и груши,
 Проплыли туманы над реюша,
 Проводила милого Катюша
 На борьбу с фашистскою ордой.

2⁴

Отцвели вы, яблони и груши,
 Только дым клубится над рекой.
 В лес ушла красавица Катюша
 Партизанской тайною тропой.
 Не выходит, песню не заводит,
 Не поет на берегу крутом,
 По лесам Катюша наша бродит,
 По лесам сражается с врагом.
 Завязался рано на рассвете
 Жаркий бой, где яблони цвели,
 Билась с ярым недругом Катюша
 За клочок своей родной земли.
 Пулемет, веселый друг максимка,
 Громче пой, фашистов не жалей!
 Ты лети, лети быстрее, пуля,
 И врага настигни и убей!..
 Отцвели вы, яблони и груши,
 Не поет Катюша над рекой,
 Лесом бродит грозная Катюша,
 Партизанской тайною тропой.

3

На свои послания из дому
 Получил боец письмо в ответ.
 В том письме залеточке родному
 Шлет Катюша ласковый привет.
 «Я теперь, — Катюша пишет другу, —
 Не хожу на берег, где туман.
 Темной ночью, взяв винтовку в руку,
 Бью врага с отрядом партизан.
 На просторе вольном и широком
 Для врага закрыты все пути,
 По тропинкам брянским и дорогам
 Ни проехать немцам, ни пройти.
 Будет день, и розовой порошей
 Ветви яблонь снова зашумят.
 Будет враг раздавлен и отброшен,
 И победу трубы загрубят.

А пока, залеточка любимый,
 Мы идем с тобой в одном строю
 Защищать советский край родимый
 И любовь горячую свою».

4

Весь блиндаж снарядами разрушен,
 Вдоль реки метелица свинца.
 Но выходит на берег Катюша,
 Слыша зов советской бойца.
 Вот летит она стрелой как птица,
 Вот ползет по краешку леска.
 Наша Катя пули не боится,
 Не боится вражьего штыка.
 Катя слово раненому скажет
 Так, что в сердце песня запоет,
 Катя раны крепко перевяжет,
 На руках из боя унесет.
 «Ой, ты Катя, девушка родная,
 Сто бойцов спасла ты из огня.
 Может, завтра, раненых спасая,
 Из огня ты вынесешь меня!
 Ты достойна звания героя,
 Ты в сраженьях Родине верна.
 И тебя любимую сестрою
 Называет вся моя страна».

Как видим, каждая песня может существовать как самостоятельное целое. Так их наша исполнительница и пела, а собирательница после каждой из них добросовестно фиксировала полевой паспорт. Но исполнительнице, носительнице фольклорного сознания, раздельное существование песен показалось недостаточным, и она спела песни в некотором определенном порядке, который выявляет общий сюжет всех четырех. В первой песне Катюша прощается с любимым, во второй она уходит в партизаны, в третьей сообщает об этом своему «залеточке», а в четвертой оказывается медсестрой, которая спасает от гибели всех защитников Родины. Она только один раз именуется в этом четвертом варианте Катюшей — в первой строфе, в рифменном положении (на привычном месте), а далее дважды называется Катей, более строго и менее интимно. В итоге облик героини героизируется и приобретает некий «мифический» характер: «Ты достойна звания героя, ты в сраженьях

⁴ Ср. вариант: ст. 1: Расцвели вы, яблони и груши; ст. 14: Громче пой, фашистов не щади (Зап. от Т. И. Марковой, 1940 г. р., д. Еськи, Бежецкий р-н, 2003 г.).

Родине верна. И тебя любимую сестроу называет вся моя страна».

Как видим, эти четыре песни-переделки связываются друг с другом сюжетным строением, так же как и те две, которые записаны от Н. Н. Штубовой. Однако в этом новом цикле сюжетное строение более сложно. В двухсоставном (или трехсоставном, если учесть оригинал) цикле Катюша дважды выходила на берег и заводила песню. Разница между частями цикла была в том, что герой ее воевал с врагами на разных фронтах. И общий сюжет строился только на том, что места, где воевал герой, сменяли друг друга. В четырехсоставном (или даже пятисоставном, если учитывать оригинал) цикле сюжет строится не на повторении одного и того же положения героев в разных обстоятельствах, а на перемене социального статуса героини. Катюша в последнем цикле не только ожидающая бойца девушка, но и партизанка, и медсестра, и общая спасительница.

Подобное явление — циклы, построенные на варьировании заданной темы, — достаточно широко распространено в авторском творчестве, особенно в музыке, где для обозначения его существует даже специальный термин *вариации на тему*. В словесном творчестве подобного рода вариации встречаются реже, обычно они обозначаются как «подражания» тому или иному автору. Яркий литературный аналог музыкальных вариаций на тему дал Б. Л. Пастернак в цикле стихотворений «Тема с вариациями» (1918). Сопоставление нашего материала с этим циклом поможет нам объяснить переделки «Катюши». Вообще вся книга Пастернака «Темы и вариации» (1923) построена близким образом, но данный цикл репрезентирует эту композицию особенно стройно, почему, наверное, и открывает книгу.

Первое стихотворение в цикле Пастернака «Тема с вариациями» представляет собой тему в чистом виде. Пастернак пытается создать несколько отстраненное, как бы внеличностное (насколько это вообще возможно у поэта XX в. и тем более у Пастернака) описание картины И. К. Айвазовского и И. Е. Репина «Прощание Пушкина с Черным морем» (1887). Фактически это первое стихотворение оказывается вариацией по отношению к данной картине, словесным описанием ее. Но в составе самого цикла — это тема. Каждое

следующее стихотворение цикла варьирует тему, как варьируют ее один за другим разные музыкальные инструменты в джазовой композиции: тема остается той же, но стилистическое решение ее всякий раз новое. Стихотворный цикл в этом случае представляет собой собрание стилистически разных решений одной и той же темы, одного и того же задания. Интерес цикла состоит не в развитии темы, а в переборе возможных словесных интерпретаций одного и того же сюжета.

Итак, перед нами два типа фольклорных циклов. Но на фоне цикла Пастернака проясняются не их различия между собой, а их общее принципиальное отличие от литературного цикла. Один цикл варьирует ситуацию выхода Катюши на крутой берег и пения ею песни, которая должна передать привет бойцу на том или ином фронте. Другой цикл варьирует статус Катюши: ожидающая бойца с фронта девушка, партизанка, медсестра. Но и в одном, и в другом фольклорном цикле вариации ситуации или статуса не сопряжены с «инструментальными» вариациями типа джазовых. И это вполне естественно, поскольку фольклорное сознание типологически относится к дорефлекторному традиционализму (С. С. Аверинцев), поэтому «инструментальная» игра стилями для него принципиально несвойственна. Стилистически все песни-переделки повторяют оригинальную «Катюшу» и этим отличаются от детской переделки. Напомним, что детские переделки (приложения 4, 5) дают комически сниженные образы: героиня — корова, ее герой — бык, аксесуары ситуации — веники, тряпки, калоши. Взрослый цикл вполне серьезен и стилистически ровен. Именно поэтому переделку, в которой Катюша «гоняла фрицев кочергой», следует признать тоже детской (за пределами детского возраста она и не встречалась автору статьи).

Последний вопрос, который мы должны хотя бы обозначить, чтобы не впасть в ложный пафос восхваления, касается причины столь необычной популярности «Катюши» Исаковского в качестве оригинала для переделок. Можно назвать еще целый ряд не менее популярных песен времен Великой Отечественной войны, но ни одна из них не вызывала такого бурного потока переделок: ни «Огонек», ни «Моя любимая». Переделывались все песни, но

ни одна — так настойчиво. Для популярности такого рода должны найтись некоторые специальные основания.

Как можно судить, причины этой популярности заключены в истории текста самой «Катюши», о чем мы уже сказали несколько слов. Исаковский первоначально написал, согласно его собственным воспоминаниям, только две строфы будущей песни и на долгое время прервал работу: «Я не знал, что же дальше делать с Катюшей, которую заставил выйти “на высокий берег на крутой” и запеть песню» [Исаковский 1972, 141]. Напомним, что во второй строфе Катюша «песню заводила», и этим дело ограничивалось.

Под мощным нажимом Блантера текст был дописан, но Исаковский так и не придумал, что ему «дальше делать с Катюшей». Сюжета у песни не получилось: Катюша продолжала стоять на берегу и петь песню. Тексту Исаковского свойственна именно нерешенность положения Катюши на берегу реки: «выходила, песню заводила» и... всё. Вся вторая половина песни рассказывает уже не о самой Катюше, а о той ее песне, которая фактически оторвалась от героини и стала самостоятельным субъектом действия. Но эта нерешенность положения Катюши на берегу реки, как бы тормозящая развитие сюжета песни, оказалась весьма продуктивной для последующей ее судьбы. Текст Исаковского именно этим и хорош, что не вполне прояснен, — это открывает перед слушателем, читателем и особенно народным исполнителем огромные перспективы. Именно это позволило народу создать многочисленные переделки, каждая из которых выясняла, что же, наконец, произошло с Катюшей, коли уже она вышла на берег.

И. Н. Розанов был прав, когда рассматривал вариации на тему «Катюши» Исаковского как «новый тип народного творчества», хотя вариативность — это общее свойство фольклора на всех этапах его развития. Исаковский же возражал

И. Н. Розанову, подвергая сомнению тезис, что богатая переделками история песни является плодом «коллективного творчества». Позиция автора песни вполне понятна: было бы странно, если бы Исаковский отказался от авторства «Катюши». Но для народа авторство «Катюши» было совершенно безразлично; народ не воспринимал «Катюшу» (как, впрочем, и многие другие песни) как песню авторскую; это была его собственная, народная песня. И народ доказывал свои права на нее многочисленными переделками.

Однако Исаковский отказался признать варианты «Катюши» даже «современным» фольклором, утверждая, что «подлинный фольклор не является “однодневкой”, он существует довольно долгое время» [Исаковский 1972, 141]. Но эта аргументация профессионально неубедительна (правда, от поэта никто и не ждет аргументации, убедительной в научном отношении). Приводимые в статье примеры записаны в 1972, 1974, 1978, 1985, 1996, 1999, 2000, 2001, 2003 гг. Уже одно это опровергает мнение о том, что все переделки «Катюши» были однодневками. Среди них были, конечно, и менее удачные, но все они были в равной мере фольклорными. Более того, именно в более позднее время и происходит циклизация песен, и цикл из четырех песен, организованный сюжетно, можно рассматривать как некий новый эпос о войне.

Таковы некоторые выводы, которые показывают, что материал «Катюши» имеет не только историческое, но и общее, теоретическое значение.

1. Катюша⁵

Разлетались головы и туши,
Дрожь колотит немца за рекой.
Это наша русская катюша
Немчуре поет за упокой.
В страхе немец в яму прыгать станет,
С головой зароется в сугроб,
Но и там его «мотив» достанет,

⁵ Ср. вариант, зап. от М. И. Ивановой, 1922 г. р., д. Андреевское, Калининский р-н, 1985 г. Ст. 1–2: Расцвели яблони и груши, / Поплыли туманы над рекой. Ст. 7: Но его и здесь мотив достанет. Вместо ст. 9–12 — другой финал песни:

Все мы любим душечку катюшу,
Любо слышать, как она поет.
Из врага вытряхивает душу,
А друзьям отвагу придает.
Ср.: [Нам дороги эти 2005].

И станцует немец прямо в гроб.
Ты лети, лети, как говорятся,
На кулички к черту на обед.
И в аду таким же дохлым фрицам
От «катуши» передай привет
(Зап. от Н. Б. Степановой, 1956 г. р.,
с. Завидово, Конаковский р-н, 1999 г.).

2. Катюша⁶

И на море, и на суше
По дорогам фронтовым,
Эх, ходит русская «катуша»,
Ходит шагом, шагом боевым.
Эх, подчистую немцев косит,
Эх, подчистую немцев бьет,
Эх, фамилию не спросит,
Эх, поплакать, скажем, не дает.
Немцам главный штаб прикажет,
Эх, чтоб шли они вперед.
Эх, та «катуша» слово скажет —
Как метлю сажу подметет
(Зап. от М. И. Кузьминой, 1920 г. р.,
д. Березай, Торжокский р-н, 1974 г.).

3. Катюша

Гитлер «тигры» и «пантеры»
На Россию натравил.
Уползали звери в норы —
Гул «катуши» страшен был.
Эта славная «катуша»
Из клыкастого врага
Повытряхивала душу,
Обломав ему рога
(Зап. от Н. А. Черякина, 1927 г. р.,
г. Калязин, 1996 г.).

4. Катюша

Расцветали веники в подвале,
Поплыли калоши над рекой.
Выходила на берег корова
И пулялась в немцев колбасой.
Выходила, песню заводила
Про степного сизого быка.

Про того, которого убила,
Про того, чьи письма украла.
Ой ты, песня, песенка коровья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И быку на дальнем пастбище
От коровы передай привет.
Пусть он вспомнит буренушку простую,
Пусть услышит, как она орет.
Пусть он морду бережет родную,
А любовь корова сбережет.
Отцветали веники в подвале,
Уплыли калоши над рекой.
Уходила с берега корова,
Уносила колбасу с собой
(Зап. от Д. Бурмистровой, 1990 г. р.,
пос. Суховерково, Калининский р-н, 2001 г.).

5. Катюша

Расцветали тряпки на заборе,
Поплыли калоши по реке.
Выходила на берег корова
На высоком дамском каблуке.
Выходила, песню заводила
Про степного сизого быка<...>⁷
(Зап. от В. Орловой, д. Юрьево,
Торжокский р-н, 1972 г.).

6. Катюша⁸

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.
Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла.
Вдруг из дома показался немец
И сказал ей такие слова:
«Здравствуй, здравствуй, милая Катюша,
Дарю перстень тебе золотой.
На тебе, Катюша, я женюсь,
Увезу в Германию с собой».
Отвечала милая Катюша:
«Мне не надо перстень золотой,
У меня есть витязь чернобровый,

⁶ Ср. вариант, зап. от А. А. Федоровой, 1920 г. р., г. Калинин, 1985 г. Ст. 4: Ходит шагом боевым. Ст. 5–8 в начале каждого: Эх. Ст. 8: И пощады шагу не дает. Вместо ст. 9–12 другой финал:

У красавицы Катюши
Всё выходит в аккурат:
Словно рыбу, немцев глушит,
Про Катюшу разом говорят.
Налетит Катюша вихрем,
Ничем ее уж не остановить.
Пич задумал, Гитлер, лихо
Нашу Родину газом отравить.

⁷ Вариант записан не полностью, скорее всего, по скромности собирателя.

⁸ Впервые опубликован: [Жесткие романсы 2006, 68–69]; близкий вариант со ссылкой на неизвестный источник см.: [Про Катю и немца 2015].

Витязь служит в армии родной». Тут немцу стало всё понятно, Что Катюша любит партизан. Закурил он сперва папиросу, На Катюшу он напал с ножом. «Бей же, бей же, немец, ты гадость, Всё равно теперь мне умирать. Кто убил мово старшого брата

И на костре ты сжег родную мать». Расцветали яблони и груши, Поплыли туманы над рекой. Не выходит на берег Катюша, Значит, нет теперь ее живой (Зап. от К. И. Нютиной, 1906 г. р., с. Даниловское, Калининский р-н, 1978 г.).

Литература

В памяти народной 2010 — В памяти народной: Великая Отечественная война в фольклорных и непрофессиональных произведениях : 65-летию Победы посвящается / сост. М. В. Строганов и др. Тверь, 2010.

Душевные песни 2006 — Душевные песни для хороших людей / авт.— сост. О. В. Ларина. 2-е изд. Ростов н/Д, 2006.

Жестокие романсы 2006 — Жестокие романсы Тверской области / сост. Л. В. Брадис, Е. В. Петренко, М. В. Строганов, И. С. Тарасова. Тверь, 2006.

Журавлев 1994 — Журавлев В. Фронтовые судьбы песен. «Катюша» // Литература: Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 1994. № 45.

Исаковский 1972 — Исаковский М. О поэтах, о стихах, о песнях. М., 1972.

Крупянская 1953 — Крупянская В. Ю., Минц С. И. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М., 1953.

Литература 2009 — Литература. 8 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. Я. Коровиной и др. 8-е изд. М., 2009.

Нам дороги эти 2005 — Нам дороги эти позабыть нельзя: Песенник / сост. А. П. Павлинов, Т. П. Орлова. СПб., 2005.

Розанов 1964 — Розанов И. Н. Песня о Катюше как новый тип народного творчества // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 310–325.

Русский советский фольклор 1967 — Русский советский фольклор: Антология / сост. и примеч. Л. В. Домановского, Н. В. Новикова, Г. Г. Шаповаловой. Л., 1967.

Строганов 2007 — Строганов М. В. Фольклор в современном обществе и задачи современного собирателя // Тверское фольклорное поле 2007: Доклады и публикации. Тверь, 2009. С. 23–39.

Про Катю и немца 2015. URL: <http://a-pesni.org/ww2/folk/katyucha-katja.htm>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором координации научных программ Государственного республиканского центра русского фольклора: 119034, Российская Федерация, г. Москва, Турчанинов пер., д. 6; тел.: +7(499) 245 22 05; e-mail: mistro@rambler.ru

CONCERNING FOLK EXISTENCE OF “KATYUSHA” — THE SONG AND PROBLEM OF THE FOLKLORE CONSCIOUSNESS’ VARIABILITY

STROGANOV MIKHAIL

(State Republican Center of Russian Folklore:
Turchaninov side-st. 6, 119034 Moscow, Russian Federation)

Summary. The author’s song “Katyusha” (1938), with lyrics composed by Mikhail Isakovskiy the Soviet poet and music by Matvey Blanter the professional composer, had expanded into widespread oral performances in folk milieu and sustained considerable oral variation. “Katyusha” — song phenomenon has been recognized as a new form of folklorization of the original text of literature origin. Moreover, the original authors’ “Katyusha” did not function as an invariant totally. Majority of song’s transformation carries on the message of the original song nevertheless; despite depreciating transformations by children. Some performers sang

the song's transformation's entire cycle. Versions were related either to the Soviet-Finnish War (1939–1940) or to the Great Patriotic War (1941–1945). Recurrence of events is emphasized: wars differed, but invariable characters symbolized the myth about the motherland's defender and his beloved maiden who was waiting for his return devotedly. Characters are statical, but their dialogue constructs the plot. In the cycle of four renditions the plot that is based on heroine's status changes: Katyusha sees off her beloved (1), she is partisan herself (2), she tells about it to another guy, called "zalyotochka" (the stranger) (3), she serves as a medical attendant to cure defenders of the Homeland (4).

Variations of situation or status of the character in oral cycles of folklore transformations is not so considerable as in musical variations in jazz or, e.g. poet Boris Pasternak's "Theme with variations" — famous literature cycle. Modifications adhere stylistic of Isakovskiy's "Katyusha".

The "Katyusha" lyrics contain the reasons why the song is so predisposed for varying transformations. Isakovskiy confessed that he could not create the song's plot. Still the haziness of maiden's conduct turned productive for her fictive "destiny". Performers produced a set of variations on imagined events that could happen to the maiden when she came to the river's brink. Isakovskiy disputed to recognize these modifications as a new form of folklorization because he couldn't deny his authorship. But people didn't recognize "Katyusha" as an author's song and thus provided it with many transformations in oral performance.

Key words: "Katyusha", lyric song, M. Isakovskiy the poet, transformation, variant, folklorization.

Literature

About Katya and the Boche. URL: <http://a-pesni.org/ww2/folk/katjucha-katja.htm>

Cruel Romances of the Tver' Region. Comp. by L. V. Bradis, E. V. Petrenko, M. V. Stroganov, I. S. Tarasova. Tver', 2006. In Russian.

In the Folk memory: The Great Patriotic War in Folklore and Amateur Products. Dedicated to the 65th Anniversary of the Victory. Comp. by M. V. Stroganov et al. Tver', 2010. In Russian.

Isakovskiy M. V. About Poets, Verses and Songs. Moscow, 1972. In Russian.

Krupyanskaya V. Yu., Mints S. I. History of Songs about the Great Patriotic War. Moscow, 1953. In Russian.

Larina O. V., author and compiler. Heartful Songs for Good People. The 2nd Edition. Rostov-na-Donu, 2006. In Russian.

Literature. The 8th Class. Schoolbook for the Educational Establishments in 2 Parts. Part 1. Ed.

by V. Ya. Korovina et al. The 8th Edition. Moscow, 2009. In Russian.

Roads we can never Forget. A Songster. Comp. by A. P. Pavlinov, T. P. Orlova. St. Petersburg, 2005. In Russian.

Rozanov I. P. The Song about Katyusha as a New Type of Folk Creativity. Russian Folklore of the Great Patriotic War. Moscow–Leningrad, 1964. Pp. 310–325. In Russian.

Russian and Soviet Folklore. Anthology. Comp. and comm. by L. V. Domanovskiy, I. V. Novikov, G. G. Shapovalova. Leningrad, 1967. In Russian.

Stroganov M. V. Folklore in the Contemporary Society and the Tasks of Collector Nowadays. *The Folklore Field of Tver' 2007: Papers and Publications*. Tver', 2009. Pp. 23–39. In Russian.

Zhuravlev V. Destinies of Songs at the Battlefield: "Katyusha". *Literature: Weekly Appendix to "First of September" — the newspaper*. 1994. № 45. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: mistro@rambler.ru;

Tel.: +7(499) 245 2205;

Turchaninov side-st. 6, 119034 Moscow, Russian Federation;

Full Professor (Philology), head of Department of Research Projects, State Republican Center of Russian Folklore
